

Карасик В.И.¹, Слышкин Г.Г.²

ОТРЕЧЕНИЕ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН[©]

Аннотация. Рассматривается дискурсивный феномен «отречение», понимаемый как сложное коммуникативное действие, семантика которого состоит в выражении намеренного демонстративного отказа от своих прав, убеждений, связей с кем-либо. Прагматика этого поступка заключается в его перформативности, необратимом изменении положения дел. Показано, что лингвокультурологический подход к изучению отречения дает возможность определить квалификацию этого поступка в сознании коммуникантов как предательства, как проявления слабости либо как легитимного права на его совершение. Типажным воплощением отречения выступает ренегат, при этом существенным признаком его поведения во многих случаях является его самоосуждение. В качестве дискурсивного явления отречение находит выражение в различных коммуникативных ситуациях, наиболее типичными из которых являются сферы политики, религии, науки. В медийном дискурсе происходит жанровое слияние отречения и опровержения. Медийный аспект отречения от власти сводится к объяснению мотивов этого поступка.

¹*Карасик Владимир Ильич*, д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета, e-mail: vkarasik@yandex.ru

²*Слышкин Геннадий Геннадьевич*, д-р филол. наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, e-mail: ggsl@yandex.ru

© Карасик В.И., Слышкин Г.Г., 2023

Ключевые слова: отречение; поступок; дискурс; концепт; прагматика.

Для цитирования: Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Отречение как дискурсивный феномен // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С. 71–87. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.04

KARASIK V.I.¹, SLYSHKIN G.G.²
RENUNCIATION AS A DISCOURSE PHENOMENON

Abstract. The paper deals with a discourse phenomenon “renunciation” treated as a complex communicative action. Its semantic properties consist in the expression of a deliberate demonstrative disavowal of someone’s rights, convictions, or contacts with certain people. The pragmatic meaning of this action may be described as its performative status, i.e. irrevocable change of the situation. We argue that linguistic and cultural approach to explanation of renunciation makes it possible to qualify this action as a treason, or weakness, or a legitimate right of a subject. A personality type “renegade” represents this concept as a recognizable human image, and in many cases such people reprobate themselves. Renunciation as a discourse phenomenon appears in different communicative situations, most typical are spheres of politics, religion and science. It merges as a genre with refutation in media discourse where abdication necessarily includes the explanation of its motives.

Keywords: renunciation; action; discourse; concept; pragmatics.

For citation: Karasik, V.I., Slyshkin, G.G. Renunciation as a discourse phenomenon. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. – 2023. – N 2. – Pp. 71–87. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.04

¹*Karasik, Vladimir Ilyich*, Advanced Doctor of Science (Philology), professor of the department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, professor of the department of Russian as a foreign language, Moscow state linguistic university, e-mail: vkarasik@yandex.ru

²*Slyshkin, Gennady Gennadyevich*, Advanced Doctor of Science (Philology), Professor, Director of the Centre of Linguistics and professional communication, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ggsl@yandex.ru

Различные виды речевых действий детально изучены и описаны в науке о языке [Безменова, Герасимов, 1985; Романов, 1988; Сафаров, 1989; Серль, 1986; Ballmer, Brennenstuhl, 1981; Blommaert, 2011; Littlejohn, 2009; Sadock, 2004]. В философии противопоставляются целенаправленные, нормативные, драматургические и коммуникативные социальные действия, по Ю. Хабермасу: первые сориентированы на реализацию потребностей, вторые – на выполнение тех или иных предписаний, третьи – на разыгрывание ситуативно обусловленных ролей, четвертые – на поддержание общения [Habermas, 1984]. Существенным оказывается противопоставление действий, направленных на достижение той или иной цели, и поступков, особых действий, предполагающих выбор и ответственность за него. К числу поступков относится и значимое несовершенство действий. Социальные действия могут включать вербальный компонент. С позиций лингвистической семантики описание речевых действий сводится к их содержательной характеристике, т.е. определению их субъектного, объектного и обстоятельственного состава. Лингвокультурологическое изучение речевых действий направлено на выявление норм и правил поведения, определяющих эти действия. В прагмалингвистическом аспекте речевые акты противопоставляются как перформативы и дескриптивы, первые представляют собой поступки людей, имеющих право на их совершение, вторые являются оценочным описанием речевых действий. В основу прагмалингвистического описания речевых действий обычно положены интенции участников общения, стремящихся заявить о чем-либо, выразить свои эмоции, взять на себя обязательства, оказать воздействие на партнеров и т.д. Дискурсивный подход к изучению речевых действий предполагает их освещение в рамках того или иного типа коммуникативной ситуации – обиходного общения друзей, научной дискуссии, политического митинга, религиозного ритуала, медийного события, академической лекции.

В данной работе рассматривается речевое действие «отречение», понимаемое как намеренный и демонстративный отказ от ожидаемого поведения. По нашим данным, различные дискурсивные виды отречения еще недостаточно освещены в лингвистической литературе. В качестве материала для анализа были взяты данные словарных дефиниций, известные лингвокультурные сюжеты и аутентичные тексты зафиксированных отречений.

Речевое действие «отрекаться» допускает множественное научное осмысление. В семантическом плане, по данным академического толкового словаря русского языка, это отказ от прав и обязанностей:

1. *Отказываться от чего-либо, не признавать своим, себе принадлежащим.* || (от престола, от сана и т.п.). *Отказываться от своих прав на престол, на сан и т.п.* || *Отказываться от кого-либо близкого (отца, сына, соратников и т.п.).* || *Признавать себя чуждым чему-либо.* || *Переставать следовать чему-либо, придерживаться чего-либо.* 2. *Устар.* *Отказываться, не соглашаться сделать что-либо (БАС).* В свою очередь, «отказываться» толкуется следующим образом: 1. *Не соглашаться сделать, выполнить что-либо; заявлять о своем несогласии заниматься чем-либо.* || *Оставлять свои притязания на кого-, что-либо.* || *Не принимать, отвергать что-либо.* || *Не признавать своим, себе принадлежащим; отрекаться от чего-либо.* 2. *Переставать действовать, работать (БАС).*

В толковом словаре английского языка приводятся следующие толкования слов, обозначающих отречение и отказ: *repudiate – to refuse to accept or continue with something (LDCE); disclaim – to state, especially officially, that you are not responsible for something, that you do not know about it, or that you are not involved with it (LDCE); disavow – to say that you are not responsible for something, that you do not know about it, or that you are not involved with it (LDCE).* В английском языке существует специальный глагол для обозначения отречения монарха: *abdicate – to give up the position of being king or queen (LDCE).* Дефиниции показывают, что в качестве уточняющих признаков официального отказа выступает снятие с себя знания о чем-либо, участия в чем-либо и ответственности за это.

В прагматическом плане отречение представляет собой коммуникативное действие лица, имеющего право на определенное поведение и выражающего отказ от этого права. Этот глагол выражает перформативное действие, т.е. отрекающийся своим речевым поступком меняет положение дел. В русском языке этот поступок касается разнообразных действий, в английском он уточняется как термин.

В лингвокультурном аспекте отречение осмысливается не только как набор понятийных признаков, но и как коммуникатив-

ная ситуация, в которой участвуют несколько субъектов, акцентируется сознательный выбор отрекающегося, его статус, особенно важными являются ценности, нормы и традиции, определяющие как поведение субъекта, так и отношение к нему со стороны других людей [Дементьев, 2016].

В лингвокультурологии выделяются четыре базовых объекта описания: концепты, сценарии, типажи и сюжеты. Концепты обычно понимаются как кванты переживаемого знания [Воркачев, 2014; Карасик, 2019; Красавский, 2008; Степанов, 1997; Стернин, 2008; Слышкин, 2004]. Концепт «отречение» в понятийном плане представляет собой набор признаков, объясняющих этот поступок; образно-перцептивные характеристики отречения характеризуют ситуацию, главный участник которой в присутствии кого-либо отказывается от своих прав и обязанностей; ценностные признаки этого поступка соотносятся с нормами общества, оценивающего отречение как законное право субъекта либо проявление слабости, либо предательство и т.д.

Сценарии (или скрипты, речеповеденческие тактики, бихевиоремы) трактуются как ментальные образования, отражающие принятые в том или ином сообществе последовательности действий и поступков [Вежбицкая, 1996; Верещагин, Костомаров, 1999; Донец, 2004; Савицкий, 2020]. Отречение как сценарий представляет собой публичное действие, в ходе которого его субъект заявляет об отказе от прежних убеждений либо от своих прав на что-либо.

Типажи рассматриваются как обобщенные узнаваемые модельные личности, в поведении которых выражены ценности, нормы и традиции определенного сообщества [Гуляева, 2009; Асадуллаева, 2011; Валяйбоб, 2013; Дмитриева, 2007; Ярмахова, 2005]. Применительно к отречению такими типажными являются ренегаты – люди, которые публично отрекаются от своих убеждений, от своего происхождения, от знакомства или дружбы с кем-либо. Известно, что Генрих Гейне принял христианство, чтобы поступить в университет, и тем самым отрекся от своих иудейских корней. Показательна его реплика: *«Я желаю всем ренегатам настроения, подобного моему»*. Кстати, диплом доктора права, полученный в Берлинском университете, поэту не пригодился.

Лингвокультурные сюжеты понимаются как изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов, раскрывающие

идейное содержание текста и представляющие собой намеренно преобразованные фавулы [Веселовский, 1940; Силантьев, 2009]. Классическим сюжетом отречения является поведение апостола Петра в Евангелии:

Пётр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином.

Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь.

Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем.

И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека.

Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя.

Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух.

И вспомнил Пётр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько [Матф., 27: 69–75].

Очень важным моментом в этом нарративе является горечь, которую испытывает апостол, понимающий, что он предал своего учителя.

В дискурсивном плане важными представляются характеристики этого поступка как личностного либо институционального. В русском языковом сознании акцентируется личностная сторона поступков, отсюда и эмоциональное осмысление этого действия («*Не отрекаются, любя*» – строка из популярной песни), в англоязычной лингвокультуре мы видим юридическое институциональное обозначение поступка человека, наделенного высшей властью.

Отречение четко представлено в религиозном, политическом и научном дискурсах. Так, например, принимая крещение в христианстве во взрослом возрасте, человек вербально отрекается от сатаны и мирской суеты. В научном дискурсе с некоторыми оговорками можно увидеть отречение в виде отказа ученого от прежних убеждений и концепций. Так поступил Галилей, так поступали представители других областей знания, как правило, под давлением критиков (в частности, сторонники генетики или марксизма в языкознании). Разумеется, такое отречение ученых находится на грани научного и политического дискурсов. Специфическим является отречение в медийном дискурсе, когда оно становится официальным

опровержением ранее опубликованной информации. В этом случае мы видим жанровое слияние.

Передача власти представляет собой важное событие в жизни каждого иерархически организованного сообщества. Такие события приобретают особую значимость, если речь идет о высшей власти в стране. В обществе с республиканской системой управления власть переходит к лицу, официально избранному на должность руководителя государства, в монархическом обществе власть после умершего короля получает наследник престола. Эта процедура детально регламентируется и включает юридически и ритуально закрепленные действия. В этом плане представляет интерес характеристика речевого действия «отречение от трона», противопоставляемого официальному акту коронации. По нашим данным, это речевое действие еще не было предметом специального дискурсивного изучения, хотя в работах историков эта тема освещена достаточно детально (Диунов, 2022; Томсетт, 2020). Предполагается, что отречение от трона включает определенные знаки перформативного действия, объяснение этого поступка и пожелание процветания народу и успехов его будущему руководителю. Рассматриваются тексты официального отречения от власти российского императора Николая II и английского короля Эдуарда VIII, размещенные в сети Интернет¹.

Заслуживает внимания ритуальная организация отречения от высшей власти. Этот поступок должен быть публичным, но в отличие от коронации он не сопровождается снятием короны или какими-либо клятвами, поскольку принятие власти сориентировано по своей сути в будущее, в то время как отказ от нее сфокусирован в настоящем времени.

Заметим, что хотя отречение представляет собой перформатив, этот тип речевого действия не выражается формулой «Я отрекаюсь», этот речевой акт выражается опосредованно в виде сопутствующих действий подписания определенного документа и признания о передаче власти определенному лицу.

Манифест об отречении государя императора Николая II и о сложении с себя верховной власти. 2 марта 1917 г.

¹ <https://www.americanrhetoric.com/speeches/kingedwardVIIIabdication.htm> ; <http://doc20vek.ru/node/1399>

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше Брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повиновением Царю в тяжёлую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России.

Текст манифеста включает следующие части: 1) описание сложившейся ситуации, 2) принятое решение об отречении от престола, 3) обозначение имени следующего царя, 4) призыв ко всему народу повиноваться новому монарху. Описание сложившейся ситуации представляет собой констатацию бедственного положения страны, находящейся в состоянии Первой мировой войны и внутренних народных волнений. Здесь же содержится выражение уверенности в необходимости доведения войны до окончания и надежды на победу. Отметим, что в тексте нет признания личной ответственности за сложившееся катастрофическое положение в стране. Принятое решение включает информацию о коллегиальности

этого поступка, он согласован с Государственной Думой. При обозначении имени следующего царя действующий монарх делает важное уточнение: по закону власть должен был принять его сын, но Николай II заявляет, что не желает расставаться с ним (эвфемистически обозначена болезнь сына) и передает власть своему брату. Важным является благословение будущему царю. В заключительной части манифеста содержится пожелание руководителю государства править страной в единстве с представителями народа (важный тезис о соблюдении норм конституционной монархии), призыв к народу повиноваться будущему царю и помогать ему. Манифест завершается молитвенным воззванием к Богу о помощи. Перформативное речевое действие выражено с помощью словосочетания *«мы признали за благо отречься от престола»*. В этом документе сформулированы три обращения – к будущему монарху, народу и Богу. Этот манифест знаменовал собой важный переход в истории России – от Февральской к Октябрьской революции. Обратим внимание на определенный фатализм в обосновании сложившейся ситуации: *«Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание»*. Отсюда вытекает вывод о том, что такое положение дел обусловлено не человеческими просчетами и ошибками, а непостижимой судьбой. Николай II тем самым в определенной степени оправдывается перед народом и самим собой в том, что не смог противостоять врагу и избежать народных волнений. Завуалированное признание в таких ошибках можно прочесть в обосновании принятого решения: *«почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение»*. Следовательно, ранее такого единения не было. В соответствии с традиционной риторикой выступлений царя речь оформлена во множественном числе первого лица.

King Edward VIII Abdication Address. 12 December 1936

At – At long last I am able to say a few words of my own. I have never wanted to withhold anything, but until now it has not been constitutionally possible for me to speak.

A few hours ago I discharged my last duty as King and Emperor, and now that I have been succeeded by my brother, the Duke of York,

my first words must be to declare my allegiance to him. This I do with all my heart.

You all know the reasons which have – have impelled me to renounce the throne. But I want you to understand that in making up my mind I did not forget the country or the empire, which, as Prince of Wales, and lately as King, I have for 25 years tried to serve.

But you must believe me when I tell you that I have found it impossible to carry the heavy burden of responsibility and to discharge my duties as King as I would wish to do without the help and support of the woman I love.

And I want you to know that the decision I have made has been mine and mine alone. This was a thing I had to judge entirely for myself. The other person most nearly concerned has tried up to the last to persuade me to take a different course.

I have made this, the most serious decision of my life, only upon the single thought of what would, in the end, be best for all.

This decision has been made less difficult to me by the sure knowledge that my brother, with his long training in the public affairs of this country and with his fine qualities, will be able to take my place forthwith without interruption or injury to the life and progress of the empire. And he has one matchless blessing, enjoyed by so many of you, and not bestowed on me -- a happy home with his wife and children.

During these hard days I have been comforted by her majesty my mother and by my family. The ministers of the crown, and in particular, Mr. Baldwin, the Prime Minister, have always treated me with full consideration. There has never been any constitutional difference between me and them, and between me and Parliament. Bred in the constitutional tradition by my father, I should never have allowed any such issue to arise.

Ever since I was Prince of Wales, and later on when I occupied the throne, I have been treated with the greatest kindness by all classes of the people wherever I have lived or journeyed throughout the empire. For that I am very grateful.

I now quit altogether public affairs and I lay down my burden. It may be some time before I return to my native land, but I shall always follow the fortunes of the British race and empire with profound interest, and if at any time in the future I can be found of service to his majesty in a private station, I shall not fail.

And now, we all have a new King. I wish him and you, his people, happiness and prosperity with all my heart.

God bless you all.

God save the King!

Наконец, мне предоставилась возможность сказать несколько слов.

Я никогда ничего не скрывал, но до настоящего момента я, соблюдая законность, не мог говорить.

Несколько часов назад я исполнил свой последний долг в качестве короля и Императора. И теперь, когда моим преемником становится мой брат, Герцог Йоркский, своими первыми словами я хочу выразить преданность ему. И делаю это от всего сердца.

Вы все знаете причины, побудившие меня отречься от престола. Но я хочу, чтобы вы поняли, что, принимая это решение, я не забыл о стране, Империи, которым, сначала, будучи принцем Уэльским, а затем королем, я служил на протяжении 25 лет. Но вы должны мне поверить, что я нахожу невозможным для себя нести дальше ношу ответственности и выполнять обязанности короля, без помощи и поддержки женичины, которую люблю.

Также я хочу, чтобы вы знали, что решение, которое я принял, принадлежит мне, и только мне. Это та позиция, которую я четко определил для себя. Другой человек, вовлеченный во все происходящее, до последнего момента пытался убедить меня сделать иной выбор. Но я так решил, и это было самым серьезным решением в моей жизни, наконец, поняв, что так, в конечном итоге, будет лучше для всех.

Это решение далось мне легче с сознанием того, что мой брат, имеющий колоссальный опыт в общественных отношениях, знающий страну и обладающий достойными личными качествами, сможет полноправно занять мое место без какой-либо задержки или вреда для народа и развития Империи. У него также есть одно непревзойденное преимущество, коего не было у меня, но есть у многих из вас – счастливая семья, жена и дети.

В эти тяжелые дни я был окружен вниманием своей матери и семьи. Министры короны и, в частности, премьер-министр Болдуин, всегда относились ко мне с уважением. Между ними, парламентом и мной никогда не возникало никаких недомолвок,

шедших вразрез с конституцией. Я не мог допустить подобных разногласий и пойти наперекор традициям, созданным еще моим отцом.

С тех пор, когда я был принцем Уэльским, и позже, когда я занял трон, все относились ко мне по-доброму, где бы я ни жил или путешествовал по Империи, за что я вам очень благодарен.

Теперь же я заканчиваю любую общественную деятельность и снимаю с себя полномочия. Вероятно, пройдет время, когда я смогу вновь вернуться на свою родную землю, но я буду всегда непоколебимо соблюдать интересы британской нации и Империи, и если когда-нибудь я буду необходим Его Величеству, я всегда буду к Его услугам.

Теперь у нас новый король. От всего сердца я желаю Ему и вам, его народу, счастья и процветания. Да благослови Господь всех вас. Да здравствует король! (пер. А.А. Поляковой).

Этот текст распадается на пять частей: 1) сообщение об отречении от престола в косвенной форме («я исполнил свой последний долг»), 2) выражение преданности новому королю, 3) детальное развернутое объяснение своего поступка, включающее причину (желание быть в браке с любимой женщиной), подчеркнутое выражение своего личного выбора («решение принадлежит мне, и только мне»), добрые слова в адрес младшего брата, который стал королем, в адрес своей семьи, премьер-министра и парламента, 4) обещание соблюдать интересы Британии, 5) пожелание процветания новому королю, всем британцам, призыв к благословению Бога и ритуальное приветствие королю. Этот текст, зачитанный по радио самим Эдуардом VIII, носит подчеркнуто личный характер. Король не оправдывается, он пытается убедить своих подданных, что сделал осознанный выбор по зову сердца. Следует сказать, что англичане в целом с пониманием отнеслись к этому поступку. Причиной, побудившей короля отречься от трона, была давняя английская традиция: король не имеет права жениться на разведенной женщине. В то время англиканская церковь, главой которой является британский монарх, была категорически против такого шага. Как мы знаем, прошло 85 лет, и на престол в Англии в 2022 г. после смерти Елизаветы II взошел ее сын Чарльз (Карл) III. Его брак с разведенной женщиной не помешал ему стать королем.

Таким образом, отречение как официальный отказ от власти сочетает в себе признаки политического, юридического и медийного дискурса. Первые являются констатацией изменения статуса субъекта, вторые фиксируют законность происходящего, третьи направлены на объяснение широкой публике мотивов этого поступка. Отречение от верховной власти как дискурсивный феномен включает ритуальные формулы, специфичные для определенной лингвокультуры.

Итак, отречение как дискурсивный феномен представляет собой сложное коммуникативное действие, семантика которого состоит в выражении намеренного демонстративного отказа от своих прав, убеждений, связей с кем-либо, прагматика этого поступка заключается в его перформативности, необратимом изменении положения дел. Концептологический подход к изучению отречения дает возможность определить квалификацию этого поступка в сознании коммуникантов как предательства, как проявления слабости либо как легитимного права на его совершение. Типажным воплощением отречения выступает ренегат, при этом существенным признаком его поведения во многих случаях является его самоосуждение. В качестве дискурсивного явления отречение находит выражение в различных коммуникативных ситуациях, наиболее типичными из которых являются сферы политики, религии, науки. В медийном дискурсе происходит жанровое слияние отречения и опровержения. Медийный аспект отречения от власти сводится к объяснению мотивов этого поступка.

Список литературы

- Асадуллаева А.В.* Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 22 с.
- Безменова Н.А., Герасимов В.И.* Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики : сб. науч.-аналит. обзоров. – Москва : ИНИОН АН СССР, 1985. – С. 146–196.
- Валяйбоб А.В.* Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 20 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – Москва : Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.

- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / ред., вступ. статья и примечания В.М. Жирмунского. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – 648 с.
- Воркачев С.Г.* Воплощение смысла = *concretualia selecta* : монография. – Волгоград : Парадигма, 2014. – 331 с.
- Гуляева Е.В.* Лингвокультурный типаж «американский адвокат» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 24 с.
- Дементьев В.В.* Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи : монография. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. – 396 с.
- Диунов М.Ю.* Оценка законности отречения Николая II // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 16–27.
- Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века : монография. – Волгоград : Перемена, 2007. – 307 с.
- Донец П.Н.* К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 93–99.
- Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Москва : Гнозис, 2019. – 424 с.
- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. – Москва : Гнозис, 2008. – 374 с.
- Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – Москва : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
- Савицкий В.М.* Этноспецифика культурных кодов // Этническая культура. – 2020. – № 3(4). – С. 40–44.
- Сафаров Ш.* О дискурсивно-прагматической природе директивных речевых актов // Текст: структура и анализ : сб. науч. тр. – Москва : Ин-т языкознания АН СССР, 1989. – С. 142–146.
- Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 170–194.
- Силантьев И.В.* Сюжетологические исследования. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Стернин И.А.* Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 1. – С. 8–20.
- Томсетт Е.Ю.* Реакция на отречение короля Эдуарда VIII в Великобритании // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2020. – N 7(98). – P. 10–21.
- Ярмахова Е.А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 22 с.
- Ballmer T., Brennenstuhl W.* *Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs*. – Berlin : Springer, 1981. – 274 p.
- Blommaert J.* *Pragmatics and discourse* // *The Cambridge Handbook of Sociolinguistics* / Ed. by R. Mesthrie. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – P. 122–137.

- Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. – London : Heinemann, 1984. – Vol. 1. – 465 p.
- Littlejohn S.W. *Speech Act Theory // Encyclopedia of Communication Theory / Ed. by S.W. Littlejohn and K.A. Foss*. – Los Angeles : SAGE, 2009. – P. 918–920.
- Sadock J. *Speech acts // The Handbook of Pragmatics / Ed. by L. Horn and G. Ward*. – Oxford : Blackwell, 2004. – P. 53–73.

References

- Asadullaeva A.V. *Istoricheskij kriminal'nyj lingvokul'turnyj tipazh "anglijskij pirat": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Historical criminal linguistic and cultural personality type "pirate": a synopsis of Candidate dissertation (Philology)]. – Volgograd, 2011. – 22 p. (In Russian)
- Ballmer T., Brennenstuhl W. *Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs*. – Berlin : Springer, 1981. – 274 p.
- Bezmenova N.A., Gerasimov V.I. *Nekotorye problemy teorii rechevyh aktov* [On the problems of speech act theory]. *Yazykovaya deyatel'nost' v aspekte lingvističeskoj pragmatiki: Sb. nauch.-analit. obzorov* [Linguistic activity in the aspect of linguistic Pragmatics: A collection of analytical reviews]. – Moscow : INION, 1985. – Pp. 146–196. (In Russian)
- Blommaert J. *Pragmatics and discourse. The Cambridge Handbook of Sociolinguistics*. Ed. by R. Mesthrie. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – Pp. 122–137.
- Dementyev V.V. *Rečezhanrovyje kommunikativny'e cennosti v novyh i novejših sferah russkoj reči: monografija* [Speech genre communicative values in new and newest spheres of the Russian speech: a monograph]. – Saratov : Saratov University Publishers, 2016. – 396 p. (In Russian)
- Diunov M.Yu. *Ocenka zakonnosti otrčeniya Nikolaya II* [An evaluation of Nikolay II abdication legitimacy]. *Vestnik Sev. (Arktič.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soč. nauki* [The Journal of The Northern (Arctic) federal university. Series: Humanities and Social Sciences]. – 2022. – Vol. 22. – N 2. – Pp. 16–27. (In Russian)
- Dmitrieva O.A. *Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX veka: monografija* [Linguistic and cultural personality types of the XIX century Russia and France: a monograph]. – Volgograd : Peremena, 2007. – 307 p. (In Russian)
- Donets P.N. *K voprosu ob issledovatel'skoj edinice mezkul'turnoj kommunikacii* [On the problem of intercultural communication research unit]. *Voprosy yazykoznaniya* [Journal of Linguistics]. – 2004. – N 6. – Pp. 93–99. (In Russian)
- Gulyaeva E.V. *Lingvokul'turnyj tipazh "amerikanskij advokat": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A linguistic personality type "American Lawyer": a synopsis of Candidate dissertation (Philology)] – Volgograd, 2009. – 24 p. (In Russian)
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. – London : Heinemann, – 1984. 465 p.
- Karasik V.I. *Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy* [Linguistic spiral: values, signs, motives]. – Moscow : Gnosis, 2019. – 424 p. (In Russian)

- Krasavsky N.A. *Emocional'nye koncepty v nemeczkoy i russkoj lingvokul'turah: monografiya* [Emotional concepts in the German and Russian languages and cultures: a monograph]. – Moscow, 2008. – 374 p. (In Russian)
- Littlejohn S.W. Speech Act Theory. *Encyclopedia of Communication Theory*. Ed. by S.W. Littlejohn and K.A. Foss. – Los Angeles : SAGE, 2009. – Pp. 918–920.
- Romanov A.A. *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshheniya* [A systematic analysis of a dialogue communication regulatory means]. – Moscow : The Institute of Linguistics, 1988. – 183 p. (In Russian)
- Sadock J. Speech acts. *The Handbook of Pragmatics*. Ed. by L. Horn and G. Ward. – Oxford: Blackwell, 2004. – Pp. 53–73.
- Safarov Sh. O diskursivno-pragmaticheskoj prirode direktivnyh rechevyh aktov [On discursive-pragmatic nature of directive speech acts]. *Tekst: struktura i analiz: Sb. nauch. tr.* [Text : structure and analysis: A collection of articles]. – Moscow : The Institute of Linguistics, 1989. – Pp. 142–146. (In Russian)
- Savitsky V.M. *Etnospecifika kul'turnyh kodov* [Ethnic specificity of cultural codes]. *Etnicheskaya kul'tura* [Ethnic Culture]. – 2020. – N 3(4). – Pp. 40–44. (In Russian)
- Searle J.R. Klassifikaciya illokutivnyh aktov [A classification of illocutive acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [Recent Investigations in Foreign Linguistics]. Vol. 17. Speech act theory. – Moscow : Progress, 1986. – Pp. 170–194. (In Russian)
- Silantyev I.V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Subject plot investigations]. – Moscow : Slavic Culture Languages, 2009. – 224 p. (In Russian)
- Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: monografiya* [Linguistic and cultural concepts and meta-concepts: A monograph]. – Volgograd : Peremena, 2004. – 340 p. (In Russian)
- Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. A Dictionary of the Russian culture. An experience of study]. – Moscow : School “The Russian culture languages”, 1997. – 824 p. (In Russian)
- Sternin I.A. Opisaniye koncepta v lingvokonceptologii [A description of concept in linguistic conceptology]. *Lingvokonceptologiya* [Linguistic Conceptology]. Vol. 1. Ed. by I.A. Sternin. – Voronezh : Istoki, 2008. – Pp. 8–20. (In Russian)
- Tomsett E.Yu. Reakciya na otrechenie korolya Eduarda VIII v Velikobritanii [A reaction to the abdication of the king Eduard VIII in Great Britain]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2020. – N 7–98. – Pp. 10–21. (In Russian)
- Valyaybob A.V. *Lingvokul'turnyj tipazh “amerikanskij pervoprohodec”: simvolicheskie harakteristiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural personality type “American pioneer”: symbolic characteristics: a synopsis of Candidate dissertation (Philology)]. – Volgograd, 2013. – 20 p. (In Russian)
- Vereschagin E.M., Kostomarov V.G. *V poiskah novyh putej razvitiya lingvostranovedeniya: koncepciya rechepovedencheskih taktik* [In the search of new ways of cultural linguistic studies development: a conception of speech and behaviour tactics]. – Moscow : Pushkin Russian Language Institute, 1999. – 84 p. (In Russian)
- Veselovsky A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Ed. by V.M. Zhirmunsky. – Leningrad : Arts Publishers, 1940. – 648 p. (In Russian)

- Vorkachev S.G. *Voploshhenie smysla: conceptualia selecta: monografiya* [Implementation of meaning: conceptualia selecta: a monograph]. – Volgograd : Paradigm, 2014. – 331 p. (In Russian)
- Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. – Moscow : Russian Dictionaries, 1996. – 416 p. (In Russian)
- Yarmakhova E.A. *Lingvokul'turnyj tipazh "anglijskij chudak": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A linguistic and cultural personality type "English Excentric": a synopsis of Candidate dissertation (Philology)]. – Volgograd, 2005. – 22 p. (In Russian)